

ПАМЯТИ Г.С. ЧЕРТКОВОЙ 1938 – 2001

5 ноября 2001 года ушла из жизни Галина Сергеевна Черткова, замечательный историк и прекрасный человек. Она была членом редакционной коллегии «Французского ежегодника», начиная с 1981 г. и вплоть до временного прекращения этого издания в 1990 г. С его восстановлением Галина Сергеевна вошла в редакционный совет и усердно трудилась над подготовкой выпусков 2000 и 2001 гг., поставившись обеспечить им преемственность с лучшими традициями «старого» «Ежегодника». Уже тяжело болев, она, пока позволяли силы, принимала участие в работе и над этим томом, посвященным юбилею ее Учителя – Виктора Моисеевича Далина. К сожалению, до выхода книги в свет Галина Сергеевна не дожила...

С тоской и благодарностью

Для наших франковедов имя Галины Сергеевны Чертковой связано прежде всего с прекрасной, очень умной книгой «Графх Бабеф во время термидорианской реакции», продемонстрировавшей блестящие исследовательские способности автора. Целиком основанный на архивных источниках, опирающийся на глубокое знание научной литературы, этот труд был написан на уровне высоких мировых стандартов.

Книга о жизни Бабефа в 1794–1795 гг. была естественным продолжением классического труда учителя Галины Сергеевны – Виктора Моисеевича Далина «Графх Бабеф накануне и во время Великой французской революции 1789–1794 гг.». Но сюжет ее книги имеет совершенно особую значимость для понимания судьбы героя. Ведь только после Термидора Бабеф перестает быть одним из многих революционеров провинциального уровня и превращается в фигуру, заметную на столичной политической сцене, в редактора смелой и популярной газеты. Всего за один год он прошел сложный путь идейных исканий, пересмотрев свои прежние взгляды.

Начав с понятного отвращения к ужасам якобинского террора, Бабеф, все более осознавая враждебность термидорианского Конвента коренным интересам плебейства, приходит от проповеди установления максимально широкой прямой демократии к мысли о необходимости массовых, пока еще мирных акций политического давления на власть, которые привели бы к «мирной революции». Потом, когда события жерминаля и прериала

III года показали, что в Париже такие планы нереальны, он на короткое время склоняется к идее «плебейской Вандеи»: укрепиться сначала в какой-нибудь провинции, установить там справедливые общественные порядки, а они уже, силой примера, легко привлекут на сторону плебейской революции всю Францию. Читатель расстается с героем, когда тот сделал главные выводы из своих поисков, осознал, что нужно овладеть политической властью путем заговора, установить революционную диктатуру – конечно, на короткое время! – дабы при опоре на широкие народные массы приучить их к новым, справедливым коммунистическим порядкам. Вся эта эволюция прослежена Г.С. Чертковой от начала до конца, ее книга, подобно классической трагедии, обладает единством действия и композиционной четкостью, придающей особый драматизм повествованию. Дальнейшая судьба героя predetermined – организация обреченного заговора, арест, долгий судебный процесс и казнь.

И еще одно способствовало успеху книги: симпатия автора к ее герою, его понимание, отнюдь не переходящее в слепое поклонение. Читатель может разделить эту симпатию. Бабеф не принадлежал к тем революционным лидерам, которых приводило в революцию подсознательное стремление утвердить свое интеллектуальное или волевое превосходство над окружающими. Страдания обездоленных не были для него абстрактным понятием, и он все время оставался верен искреннему желанию облегчить их участь. Не выбиравшийся депутатом ни одного из представительных собраний Франции после революции, он не заразился вирусом политиканства и не обладал искусством интриги. Он был увлекающимся искренним человеком, подчас наивным и доверчивым; неумелость его безуспешных попыток обмануть противников лучше всего свидетельствует, что лицемерие не было его стихией.

Книга вышла в свет еще в 1980 г. В то время не было принято ставить острые вопросы о «цене революции». И уж, конечно, переход Бабефа от демократических иллюзий к пониманию необходимости революционной диктатуры был фактом, требовавшим только положительных, а то и восторженных оценок. Но Галина Сергеевна не пошла по этому легкому пути, свои оговорки она сделала. Она не преминула отметить, что, придя к апологии диктатуры, Бабеф словно «забыл» о многих собственных доводах, при помощи которых он в первые месяцы после Термидора доказывал порочность попыток «искать решение сложных общественных проблем на путях диктатуры». Он даже не пытался опровергнуть эти доводы, и единственным его оправдание – в том, что иначе он не мог бы действовать, осуществлять свои революционные планы. Иными словами, Бабеф столько же выигрывает как человек действия, сколько теряет как теоретик. В дальнейшем это наблюдение поможет Г.С. Чертковой сделать вывод об антиномии свободы и равенства, о необходимости для всех участников рево-

люции сделать выбор между двумя этими принципами. Как и всякая добросовестная научная работа, ее книга допускает разные прочтения, не будучи жестко связанной с устаревшей системой оценок.

Время поисков новой большой темы исследований для Г.С. Чертковой совпало с эпохой Перестройки, стимулировавшей переосмысление всей исторической проблематики. Она продолжает работать над бабувистской темой, уже в более широком плане осмысления места бабувизма в европейском революционном движении, его сопоставления с другими политическими течениями. Ее внимание привлекает типология и психология народных движений. Теперь, когда перестали пользоваться доверием представления об априорно известных целях и характере революции, Галина Сергеевна заинтересовалась возможностью сопоставления разных «образов» революции, существовавших в индивидуальных сознаниях ее участников. Но особенно важной представлялась ей проблема осмысления опыта революции в ближайшем к ней поколении начала XIX в. – как на уровне теоретическом, так и в различных проявлениях обыденного сознания. По всей этой проблематике она неоднократно выступала на конференциях, в том числе международных, но печаталась мало и неохотно, сознавая всю сложность и трудоемкость поставленной задачи.

Г. С. Черткова сама говорила о себе как об историке эмпирического толка. Тем парадоксальнее может показаться принятие ею на себя обязанностей ответственного секретаря такого нетрадиционного, далекого от эмпиризма издания, как ежегодник «Одиссей». Между тем, она с энтузиазмом занималась этой хлопотной работой в последние девять лет своей жизни. Очевидно, она сознавала, что новая проблематика требует освоения нового понятийного аппарата истории ментальностей, знакомства с нетривиальными приемами исследования. Мы никогда не узнаем, во что воплотилось бы осуществление ее творческих замыслов.

Нашей дружбе было сорок пять лет. Она началась, когда группа студентов-второкурсников истфака МГУ, готовясь к предстоящей специализации, стала изучать работы французских просветителей в кружке под руководством молодого и симпатичного преподавателя Анатолия Васильевича Адо.

Требовательность к себе у Гали всегда была совершенно исключительной. Ее не устраивала возможность подменить настоящие исследовательские выводы псевдодиалектическими фразами, она стремилась к трудно достижимой, близкой к абсолютной точности.

К сожалению, эта требовательность могла переходить в чувство неуверенности в своих силах, и тогда она, человек высокой честности, была способна на весьма неординарные поступки. Кто мог бы, как Галя, проработав после окончания МГУ пять лет в Институте истории АН, неожиданно для всех, совершенно добровольно и спокойно оставить свою профессию и уй-

ти в радистки? Причина же была простая: ей на какое-то время показалось, что она не может по-настоящему, творчески заниматься исторической наукой – а значит, не вправе и занимать чужое место.

И когда три года спустя она вернулась в институт через аспирантуру, нашла себя в работе над публикацией четырехтомника сочинений Бабефа, стала кандидатом наук и автором книги, пользовалась большим авторитетом как знаток всех проблем, связанных с Французской революцией – Галя всегда охотно занималась научно-организационной и даже технической работой переводчика, редактора, комментатора, секретаря, где она более всего ощущала непосредственную, практическую пользу, приносимую ею другим людям, своим коллегам, и стеснялась защищать время, нужное для собственной творческой работы.

Как и многие из «поколения XX съезда», Галя в молодости была романтиком, оптимисткой, верившей в обещанное светлое будущее; потом уже пришло неприятие удушливого царства застоя. Она была человеком, органически неспособным сказать неправду, одобрить то, с чем была не согласна. В августовские дни 1991 года Галя поступала так, как требовало ее гражданское чувство, не думая о возможных неприятных последствиях.

При этом особых иллюзий у нее не было, и скоро она стала уклоняться от участия в разных голосованиях: говорила, что если не уверена, чему послужит ее голос, то лучше воздержится. В политике она могла быть только с теми, в чьей моральной правоте была уверена на сто процентов.

Строгая в принципах, Галя была необычайно добра к людям. Во всех она видела, прежде всего, хорошее, радовалась возможности оказать помощь, была очень приятной в общении, любила шутки и обладала особым мягким юмором.

Умирая от рака, Галя знала все о своей болезни и встретила смерть с тем спокойным непоказным мужеством, которое она считала нормой жизни. Пока были силы, она думала о заботах родных и друзей, жалела, что не может уделять им больше внимания... И вот – ее не стало.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностию: *были*.

Но можно ли отделить одно от другого?

В.Н. Малов